

ФИЛОСОФСКИЕ УРОКИ

Цивилизационный вектор

ЧЕРНОБЫЛЬ, ФУКУСИМА — ЧТО ДАЛЬШЕ? Философский репортаж из Германии

Н.В. МОТРОШИЛОВА

Прескриптум

Март — апрель — май 2011 года (когда пишется эта статья) уже внесли свои существенные коррективы в развитие современной цивилизации и ее кризисных процессов — прежде всего, конечно, из-за ядерной катастрофы в Фукусиме. Наше и без того кризисное время в эти месяцы неожиданно оказалось особенно трагическим и напряженным, наполненным многими социальными цунами, напоминать о которых излишне. Но страшные события на Японских островах и двадцатипятилетие Чернобыля не могли не объединиться в самый актуальный блок, который по существу стал *проблематикой № 1 современного социально-исторического бытия*.

Из-за сцепления целого ряда причин, более обстоятельный разговор о которых впереди, именно в Германии сейчас произошел вызванный атомными катастрофами взрыв социальных страстей. Бурлит политический мир, соревнуются и осуществляют передислокацию ведущие партии, новый вид принимают их коалиции. Катастрофические события в ядерной энергетике и их трагическая повторяемость, страшным образом подчеркнутая Фукусимой, заставляют быстро и круто менять социально-политическую и ценностную программтику. Пришла в поистине интенсивное движение всегда, впрочем, активная немецкая общественность (*Öffentlichkeit*) и ее наиболее продвинутая часть, организованное гражданское общество (*Zivilgesellschaft*). В прессе и на телевидении каждый день, и не по одному разу, ведутся острые дискуссии по всему кругу релевантных проблем с широким участием официальных лиц, политиков и представителей общественности.

Далее я (выборочно) воспользуюсь этим богатейшим и ярким материалом. В конечном итоге (и в дальнейших публикациях)

хочу использовать его и другие конкретные исследования для развития и уточнения разрабатываемой мною в последние годы новой философии кризиса в применении к условиям современной цивилизации¹. В данной же статье акцент будет сделан, во-первых, на *ситуационном анализе*, ибо как раз *ситуация* последних месяцев просто-таки требует внимательнейшего исследования обществоведов, в том числе социально-философского осмысления. Тут я хотела бы к тому же опробовать непривычный жанр «*философского репортажа*», чтобы передать живую, напряженную, конкретную реакцию на упомянутую *проблему № 1 в Германии*, этой важнейшей и активнейшей стране современной Европы, Европейского Союза, и сквозь многоголосье немецких дебатов расслышать ее общее цивилизационное звучание на новейшем этапе социально-исторического развития. Во-вторых, специальный угол зрения настоящего анализа будет связан с понятием (и темой) *жизненного мира (Lebenswelt)*, т.е., по разъяснениям его автора, Эдмунда Гуссерля, того мира обычной жизни людей, который существует до науки и вне ее. Движение *идей и понятий* от жизненного мира, от «общественности» — идей и понятий, если не рожденных, то трансформированных Чернобылем и Фукусимой — через различные области сугубо современных общественных дискуссий здесь будет предметом еще и особого, специфического интереса. Этот угол зрения я называю социально-лингвистическим (далее я поясню и теоретические, и практические проблемы, с ним связанные).

Чернобыль и Фукусима: сходства и различия

Поскольку речь у нас сначала пойдет о *непосредственном* восприятии этих катастроф в жизненном мире и о первых реакциях больших масс людей, то надо понять и признать: самые простые, именно живые и жизненные вещи тут имеют огромное значение. Дело не только в том, хотели или нет власти в СССР двадцатипятилетней давности и сегодняшние японские правители предать гласности адекватную информационную картину свершившихся катастроф. Тут все ясно и ясно тоже из-за трагически повторяющихся моделей поведения: нет, не хотели. Но главное сначала состояло в существенном *различии зрительных рядов* в самые моменты разразившихся катастроф и их первого непосредственного предъявления всему миру. В апреле 1986 года взору телезрителей предстала картина, в которой от неискушенного взгляда на бетонную громаду Чернобыльской АЭС почти полностью ускользали

суть и масштаб, а значит, весь ужас свершившейся аварии. Правда, теперь, когда проявились все ее последствия, показываемая зрителям околочернобыльская на века уничтоженная земля, что называется, леденит взгляд и душу. Однако характерно, что наибольшую ясность все приобрело не сразу, а ближе к сегодняшним дням. Поэтому вся тяжесть обобщенных, суммарных впечатлений скорее накладывается на поистине ужасающие картины Фукусимы! Так страшное настоящее японской катастрофы объединилось с ужасом увиденного – через судьбу сегодняшнего Чернобыля – совершенно неизбежного будущего... Немецкая газета «Die Zeit» (№ 12, 17.03. 2011. – S. 49) опубликовала статью с характерным названием «Die Macht der Bilder», что можно передать как «Власть картинок» (зрительных образов). Это сказано верно, ибо события Фукусимы (не только передаваемые телевидением, но и в миллиардных копиях размноженные интернетом, которого не существовало, когда взорвался Чернобыль) были для взгляда более трагически-впечатляющими, конечно, в значительной мере из-за цунами. Прав автор статьи в «Die Zeit»: все эти страшные картины, создаем мы это или нет, «навечно врезались в память». Люди *видели* эти события запечатленными, и ужасные впечатления объединяли, роднили людей, в каких бы странах они – через оперативные средства теперь уже сверхмассовой информации – ни следили за японскими событиями. Но зрители, читатели, авторы, отмечая различия, выявили много общего между Чернобылем и Фукусимой. «Дальневосточный Чернобыль» – так называлась статья о японской катастрофе, опубликованная в газете «Berliner Zeitung» (№ 87, 15.04. 2011. – S. 2). Поэтому еще важнее, чем внешние впечатления, оказалось то, насколько согласованно сложились и прозвучали *содержательные обобщения* людей из жизненного мира, подчас поднимавшиеся, не побоюсь это сказать, до высочайших по уровню философских истин.

Разные люди, независимо от характера их занятий, уровня образования и знаний собственно об АЭС и вообще о ядерных процессах, склонились, прежде всего, к четкому социальному и глубоко философскому выводу, согласно которому как будто бы заведомо ясный фактор относительной самостоятельности природных процессов, их грозной силы, как и прежде, плохо учитывается на нынешних уровнях регулирования, осмысления, проживания человеческой жизни. Если предполагать, как во все века Нового времени думали прогрессистские оптимисты, что мощное вмешательство все более опосредованных техникой действий че-

ловека, этого «хозяина и покорителя природы» (Декарт), усмирить ее и подчинит человеку, то, как показали катастрофы XX века, дело обстоит как раз наоборот: самое напористое «покорение» окружающего мира (Umwelt) оборачивается все более мощными «восстаниями» так и не покорившейся природы. Отсюда и следует вывод: надо точно учесть то, какие ограничения и условия деятельности в тех или иных местах земли *властно диктует природа*, и это подразумевает не слабость человека и человечества, но их подлинную мудрость и прозорливость. В отстаивании примерно таких мыслей и умонастроений сходятся, как сказано, простые люди и хорошо знающие материал эксперты. Такие идеи, в частности, четко и кратко выразил тридцатишестилетний японец Нииро Хэйто (Niiro Heito) в письме — одном из великолепной подборки писем его соотечественников, опубликованной немецкой газетой «Die Zeit» (№ 13, 24.03. 2011. — S. 61): «Япония, страна землетрясений, как известно, использует более 50 АЭС... Если землетрясение — это природная катастрофа, то авария на реакторах Фукусимы — катастрофа, сотворенная людьми. Производственные объединения, контролирующие чиновники и управляющие инстанции вновь и вновь отрицают существующие риски. Когда слышишь их слова, охватывает крайне неприятное чувство. Насколько же человек самонадеян! Наша подлинная жизненная задача состоит в том, чтобы обеспечить будущее наших детей. А когда обеспечивают только комфорт и эффективность, это имеет дурные последствия». Можно не сомневаться: под этими или подобными зрелыми и верными суждениями подписались бы миллионы, возможно, и миллиарды людей.

Кстати, автор этих слов уже не просто один из людей жизненного мира — он 10 лет занимается проблемами окружающей среды и представляет достаточно сильную в ряде стран группировку добровольных «эко-активистов». Когда он предостерегает современников против «самонадеянности», «высокомерия» в отношении природы, мне лично слышится голос... из глубины веков, а именно голос великого Канта, вспоминаются его мудрые предостережения.

Кант (вместе с некоторыми другими его выдающимися современниками) откликнулся на одно из самых страшных в истории землетрясений. Оно тоже трагически объединилось с цунами. Это случилось в 1755 году, когда природная катастрофа в одночасье поглотила цветущий город Лиссабон с его обитателями, их домами, улицами, со всем, что люди создавали веками, включая творе-

ния искусства и науки. Кант написал (конечно, на теологическом языке) мудрые слова, которые полностью относятся также и к современному обществу и к его предубеждениям: «Человек столь высокомерен, что только себя рассматривает как единственную цель божественного творения... Мы знаем, что вся целостность природы – вполне достойный предмет божественной мудрости и творений Бога. Мы являемся только частью природы, а хотим быть целым. Люди думают, что правила совершенства природы в [ее] величии не должны приниматься к рассмотрению, и все должно браться только в правильном отношении к нам, людям. И все, что в мире предоставлено к удобству и удовольствию, согласно такому представлению, должно служить только нам...»². Кант также предостерегал человечество: множество «злого» в природе пока лишь дремлет, чтобы когда-то вырваться на свободу и обернуться страшными опустошениями (Verwüstung).

Вернемся к трагической современности, к тому, в частности, какие виды знания были затребованы ситуацией. К сожалению, из уже подготовленных материалов данного исследования пришлось исключить детали некоторых информационно важных разделов, которые к тому же подробно показывают, насколько оперативно и грамотно немецкая пресса вовлекла в общественные дебаты японских ученых и немецких японистов, чтобы дать публике компетентный ответ на вопрос: *как и почему ядерная катастрофа случилась именно в Японии?* Казалось бы, эта высокотехнологичная страна с широко задействованными преимуществами своей древней цивилизации, с невероятно дисциплинированным, ответственным населением, страна, уже пережившая все ужасы применения военного атома, должна была предусмотреть и предотвратить взрывоопасность атома «мирного». Но этого, увы, не случилось. В ответ на вопрос о причинах такого провала была представлена доказательная картина анализа японских социальных реалий, внутренней и внешней политики страны за последние два десятилетия, подтверждающая также и общий социальный вывод, страшным образом подкрепляемый Чернобылем и Фукусимой. Его суть: «мирный атом» своими ядерными взрывами накрывает ту или иную страну после и вследствие того, как бывают болезненно поражены опорные сваи, несущие ее социально – сваи исторического бытия. И еще один, более конкретный, печальный итог, тоже роднящий опыт Чернобыля и Фукусимы, состоит в следующем. В Японии (как и в СССР во время Чернобыля) существовала и существует сейчас

(что показано и в немецких публикациях последнего времени, например, в «Die Zeit», «Frankfurter Allgemeine Zeitung» и др.) высококомпетентная группа ученых (в том числе из сферы ядерной энергетики), а также работают философы, политологи, которые на протяжении последних десятилетий стремились бить во все колокола, предупреждая о грозящих катастрофах³.

В ряде случаев даже создавались воображаемые «сценарии» — скажем, такими авторами с мировыми именами, как И. Тагаки (I. Tagaki) или К. Ишибаши (K. Ishibashi), которые чуть ли не по всем линиям и деталям оказались предвосхищающими «описаниями» случившегося в Фукусиме. Но услышали в их отечестве не этих пророков — в поле общественного дискурса все заглушалось шумным и вездесущим атомным лобби (группа «ТЕРСО», получившая мощную государственную поддержку), потратившим на «обработку» экспертов и общественности баснословные деньги.

Проблемы честной, добросовестной экспертизы в сфере атомных аварий и ядерной энергетики в Германии последних месяцев вышли на передний план — в том числе и в жизненном мире.

Слово экспертам

В данном случае я имею в виду не сугубо специальные, профессиональные, малопонятные публике работы тех экспертов по ядерной энергетике, которые имеются в каждой ядерной державе и работают также на интернациональном уровне. Хочу обратить внимание только на то, как в эти месяцы после Фукусимы и в обстановке горячих общественных дебатов компетентные голоса экспертов прозвучали в немецком жизненном мире (в частности, в прессе и на TV), какие главные проблемы они затрагивали, какие идеи проводили в жизнь.

Прежде всего, по самому смыслу это была исключительно полезная для публики *просветительская работа*. Она включала — что чрезвычайно важно для нашей темы — продвижение в жизненный мир *специальных понятий* и классификаций, фиксирующих по отношению к АЭС *градации бедствий и серьезных последствий*, т.е. именно различные степени, означающие характер, глубину кризиса. Так, согласно данным IAEA, международной организации по проблемам ядерной энергии, ступени (Die Stufe) действий объединены в 7 групп. *Первую* называют «нарушением» (Störung), она означает возникновение относительно мелких проблем безопасности, примером чего является случай 2001 года в Филиппсбурге (Германия). *Вторую ступень* именуют «наруше-

нием следующего уровня» (Störfall), когда небольшому облучению подвергается персонал АЭС и совсем близкая окружающая среда. *Третья ступень* обозначается как «случай серьезного нарушения» (ernster Störfall), когда персонал получает более основательные облучения и когда происходят сбои в системе безопасности агрегатов, примером чего служит авария 2005 года в Великобритании. *Четвертая и пятая ступени* по-немецки обозначаются словами «Unfall» и «ernster Unfall», которые на других языках и самом немецком синонимичны слову «авария» (Havarie) и равнозначны *очень серьезным бедствиям*: в этом случае происходят выбросы радиоактивности за пределы АЭС и – вследствие каких-либо разрушений реактора – имеет место заражение среды, а также хотя бы небольшие человеческие жертвы. *Шестой уровень* – schwerer Unfall, т.е. тяжелая авария, при которой выбросы радиоактивности значительны (пример – авария 1957 г. в Кыштыме, СССР).

Согласно этой экспертной классификации, на самом высоком, седьмом уровне речь идет о *катастрофической аварии* (katastrophaler Unfall). Она характеризуется особо тяжелыми и весьма значительными по своим последствиям – для жизни, здоровья людей и окружающей среды – радиоактивными выбросами в результате разрушения реактора и отказа систем безопасности. Волны радиоактивных разрушений и их последствий распространяются далеко за пределы места аварии и сказываются в долговременной перспективе. Эта ступень присваивалась аварии 1986 г. в Чернобыле. Теперь к ней относят и случившееся в Фукусиме. Разумеется, все эти качественные градации специалисты снабжают (приблизительными) количественными показателями. Существенное значение имеет проведенное специалистами различие между *Vorfälle* (ступени 1–3) и *Unfälle* (ступени 4–7), т.е. как бы пред-авариями и настоящими, большими авариями, на самом тяжком, 7-м уровне перерастающими в глубокие и масштабные *катастрофы*.

Все эти и подобные системы классификации давно разработаны, применяются специалистами, экспертами и, как сказано, открыто и гласно предоставлены в полное распоряжение заинтересованных лиц. Между тем специалисты справедливо сетуют на то, что их «разработки» (в Германии, например, многостраничный «INES-Handbuch») остается всего лишь теорией, о которой не только мало знает занятая повседневными заботами широкая публика, но которой часто пренебрегают ответственные лица в правительствах, администрациях и системах информации. Что касается официальной информации, то она, что равным образом

подтвердили события Чернобыля и Фукусимы, доставляется населению со значительными промедлениями и неточностями. При этом желание заинтересованных инстанций скрыть тревожную качественную информацию (касающуюся раннее описанных экспертных классификаций степени и характера бедствий, катастроф) переплетается с немалым невежеством в данной области. По целому ряду причин в Японии аварии в Фукусиме официально присвоили 7-ю ступень с промедлением, уже после того, как это сделали и на этом стали настаивать специалисты. Обращение к истории ядерных катастроф тоже присутствовало в немецких средствах массовой информации и при этом с разъяснениями также выступали специалисты и эксперты. Что же касается более широкой публики, то люди в жизненном мире не могли не заметить: каждая следующая катастрофа, например, тяжелейшая, потрясшая мир чернобыльская авария, скоро забывалась и мало что меняла в данной области деятельности по существу. Фукусима, на чем настаивают эксперты и в чем с ними соглашается активная общественность (*Öffentlichkeit*), *должна внести в эту сложившуюся практику коренные изменения.*

Во-первых, ясно: теперь уж точно наступило время, когда и неспециалисты в ядерной энергетике должны вникать — если они хотят мыслить и действовать сознательно, грамотно — в информацию, подобную той, о которой только что шла речь. В частности, придется осваиваться со *словами-понятиями*, фиксирующими различия между «*Vorfälle*» und «*Unfälle*», между ступенями бедствий и катастроф. Полагаю, людям, в том числе в жизненном мире, нужно будет беспокоиться о градациях катастроф, фиксируемых такой информацией, не меньше, чем о ценах на бензин. Тем более, если не дай Бог, бедствия произойдут где-то поблизости от мест их обитания, что при густых размещениях стремительно устаревающих АЭС в целом ряде стран Европы и Азии грозит, возможно, новыми бедствиями...

Во-вторых, за промедления и искажения в деле установления степени тяжести аварий, а также за распространение уже известных, установленных научно-технических данных о характере и ступенях тяжести катастроф на АЭС, ведающие этими вопросами лица и институты должны нести ответственность, в том числе и юридическую, перед собственным населением и международной общественностью, потому что такие на первый взгляд внутринаучные *определения* представляют как раз не чисто теоретический, абстрактный интерес — от них, что теперь более понятно, зависит,

будет ли принята целая система вполне конкретных и неотложных практических мер.

В-третьих, как ясно из ранее сказанного, наблюдения за горячими дебатами последних месяцев в ФРГ (уверена, и в других странах) позволяют говорить *о более широком, чем прежде, взаимобмене между специальными знаниями, имеющимися в научно-технических областях, и деятельностью людей в жизненном мире. Но размах, интенсивность взаимобмена пока не соответствуют настоящим требованиям времени.* Практическая сторона дела вполне уясняется, в частности, из того, что возникает необходимость предпринимать кардинальные дорогостоящие изменения в сфере энергетики, а это совершенно немыслимо сделать — во всяком случае, в демократических странах — без согласия и участия населения. Последнее, в свою очередь, требует беспрецедентного, пожалуй, *уровня осведомленности, компетентности*, политиков, чиновников, а также людей обычных профессий и занятий, в вопросах, разработка и освещение которых до сей поры были по преимуществу или исключительно делом достаточно узкого круга специалистов и экспертов. (Особый вопрос — о характере и качестве такой экспертизы, о разногласиях экспертов, т.д. — мы здесь рассматривать не будем.)

В-четвертых, в Германии — динамично, грамотно управляемой стране с активным, разветвленным гражданским обществом — ставший взрывным и «сиюминутным» вопрос о будущем ядерной энергетики (особенно в самой этой стране) очень быстро, просто-таки на глазах, реально превратился в конкретно решаемую проблему № 1 нынешнего социального бытия. В немалой степени это произошло благодаря бурной политической жизни и в узком смысле слова (политика правящих партий и других партийных объединений), и в смысле более широкого участия в ней активных слоев общественности: от потрясения увиденным, от вопросов, обращенных к прошлому (к примеру: «Что и как произошло в Японии?») индивиды и социальные движения в Германии «моментально», в историческом смысле, перешли к постановке и решению вопроса о будущем: «Что надо сделать, в частности и особенности в ФРГ?» И столь же стремительно основополагающие решения и умонастроения большинства были обобщенно зафиксированы с помощью слова-понятия «Ausstieg» (или «Atomausstieg»), одного из самых употребляемых в нынешних социально-политических дебатах по этой проблематике. Впрочем,

дело, как мы увидим, оказалось совсем не простым и отнюдь не однозначным. Перейдем к этой проблематике.

Ausstieg? Jein!

Читателей, которые не знают немецкого языка и германских реалий, прошу несколько повременить: дальше будут даны необходимые разъяснения, причем они важны и тем, что помогают ввести и понять *социально-лингвистические методы* осуществляемого здесь анализа.

Начнем со слова «der Ausstieg». Конечно, оно применяется в социальной практике в особых контекстах и значениях. Но их связь с бытовым, повседневным языком (Umgangssprache) жизненного мира тесна и несомненна. Это, с одной стороны, способствует широкому распространению этого слова в общественных дебатах, а с другой стороны, ведет — мы это еще покажем — и к негативным последствиям.

Глаголы «einsteigen» и противоположный ему «aussteigen», как и произведенные от них существительные «Einstieg» и «Ausstieg» в прямом, обиходном смысле означают — помечаемые приставками «ein-» (в) и «aus-» (из) — движение вовнутрь или вовне. Например, «einsteigen» означает — садиться в поезд или в какое-либо другое транспортное средство, а «aussteigen» — выходить из него. Немцы каждый раз слышат эти произносимые через микрофон слова, когда пользуются общественным транспортом. Надо иметь в виду, что Ausstieg в бытовом смысле означает четкое и резкое изменение: ведь в самом деле нельзя одновременно уже сойти с поезда, который без тебя продолжит дальнейшее движение, и остаться в нем...

В переносном смысле «Einstieg» означает присоединение к какому-либо (например, социальному) процессу, движению, а «Ausstieg», напротив, резкий отказ от него, даже если раньше его поддерживали и даже принимали в нем достаточно активное участие. Так вот, в сегодняшней социально-политической жизни Германии слово «Ausstieg» прочно ассоциируется с таким принципиальным, существенным делом, как *программа и практика резкого отказа от ядерной энергетики*. (За этим стоит история, о которой мы в дальнейшем еще упомянем.) В последние два месяца намерение осуществить Ausstieg успели дружно поддержать и влиятельные политические партии, и активные слои населения. На долю правительства и правящей партийной коалиции теперь выпала очень нелегкая задача принципиального ценностно-

идеологического обоснования атомного Ausstieg'a, т.е. самой коренной необходимости *срочного отказа от ядерной энергетики*, и главное, разработка конкретной, многоаспектной практической социальной программы перехода к использованию, и не в качестве чисто вспомогательных, как сегодня, а в виде главных энергетических средств, новых, «зеленых» (т.е. возобновляемых и экологически чистых) источников электрической энергии.

Сразу после Фукусимы ответы на вопросы об Ausstieg'e давались самые эмоциональные, решительные и однозначные, поддержанные, скажем, лозунгами массовых антиатомных демонстраций и пикетов – «Атомные электростанции? Спасибо, не надо!» Все партии и активное население на вопрос об Ausstieg'e как бы ответили единодушным «Ja!», т.е. «да!» Однако совсем не случайно в заголовке раздела, рассматривая ответ на вопрос об Ausstieg'e, мы поставили бытовое слово «Jein», которое вы вряд ли найдете в обычном словаре. Немцы же хорошо понимают, что оно означает: составленное из двух противоположных по значению слов: «Ja» — «да» и «nein» — «нет», оно как бы соединяет несоединимое: да, но нет... Если вникать не только в эмоции и желания (они здесь тоже немаловажны), а иметь в виду содержание, то следует признать: характер ответа на остро поставленный временем вопрос об отказе (Ausstieg) от «атомного поезда» современной энергетики больше всего напоминает это «Jein», т.е. «да, но нет...». Подтвердим сказанное.

К первому, т.е. утвердительному оттенку общественной реакции относится фактическое положение дел: после Фукусимы у власти в ФРГ могут *реально* остаться только те силы, которые *сейчас*, очень быстро *заявят, по крайней мере, о твердом и бесповоротном намерении, принципиальном решении осуществить Ausstieg*. Со вторым оттенком, который никак не менее, если не более реален для этой страны, да и для всего мира, связано то, что фактическое — на деле, а не на словах — осуществление Ausstieg'a *даже в Германии* (почему сказано это «даже», разясним далее) связано с научно-техническими, социально-политическими, финансовыми и т.д., словом, с *цивилизационными поворотами такого масштаба и такой трудности*, с которыми лишь отдаленно можно сравнить «дружный» переход разных стран в XX веке как раз к ядерной энергетике. Говорили же древние китайцы, что влезши на тигра, намного труднее соскочить с него...

Все это — после первых эмоциональных реакций — высветили немецкие дебаты по проблеме Ausstieg'a. Но прежде чем сказать о второй стороне дела, поясню свое понимание социально-

лингвистических аспектов. Полагаю, что слово «Ausstieg», как бы «терминологически» и символически прикрепившееся к обсуждаемым вопросам, оказалось сугубо неточным и внесло — боюсь, будет вносить и дальше — свою негативную лепту в широкие дискуссии.

Но как это часто бывает в социально-лингвистических процессах, «отменить» слово «Ausstieg», т.е. сделать лингвистический Ausstieg из атомного Ausstieg'a, скажем, заменить его другим словом, уже нереально, тем более в условиях, когда немало людей в бизнесе и политике, которые еще недавно лоббировали ядерную энергетику, сейчас торопятся осуществить то, что немцы остроумно называли «der Einstieg in den Ausstieg». Что означает: эти люди хотят быстренько вскочить в поезд Ausstieg'a — но только для того, чтобы сразу же слиться с толпой тех, кто его срочно покидает...

Дело не только в таких деталях. Слова и символы, имеющие широкое социальное хождение, даже если они, по строгому счету, неудачны, имеют свойство выражать глубокие проблемные противоречия в сознании людей. Так произошло и в случае обсуждаемого слова-символа. Оказалось, в частности, что слово «Ausstieg» в жизненном мире подвигло немалое число людей, плохо разбирающихся в сугубой сложности проблемы, к совершенно беспочвенным требованиям и ожиданиям, как будто в Германии можно прямо сейчас (*sofort*) и навсегда отказаться от АЭС — и не просто отказаться, а даже немедленно «отключить» (*ausschalten*) если не все их, то большинство.

Но было много и таких, в том числе и активных, защитников Ausstieg'a в жизненном мире, которые, не особо вникая в конкретные детали, представляли себе дело примерно так: «мы», т.е. страна, общество (в данном случае ФРГ) должны *срочно и бесповоротно* сойти с поезда ядерной энергетики (*aussteigen*) и в то же время остаться в нем, ибо «мы» ведь не собираемся отказываться от удобств, комфорта, качества жизни, несомненно связанных с очень высоким уровнем потребления электроэнергии. (Возможно, свою роль сыграло и то, что Германия в предшествующие десятилетия активнее других стран стала вводить «зеленые» источники энергии, например, часто встречающие вас на пути и радующие глаз ветровые установки.) Итак, господствующие умонастроения в ответах на вопрос об Ausstieg'e больше всего напоминали пресловутое «*Jein!*»

Вместе с тем, характерно и важно, что всего-то за два прошедших месяца в Германии все же произошел сдвиг не только с точки

зрения стремительного программного выдвижения всех требований, лозунгов *Ausstieg*'а, но и с точки зрения тоже достаточно быстрого прояснения того, сколь реально и, главное, в какое приблизительно время – как представляется по сегодняшним прикидкам – страна сможет либо полностью, либо (опять-таки) частично сойти с поезда ядерной энергетики. К середине мая появились конкретные даты: *Ausstieg* – к 2021 году, т.е. за десять лет! В конце мая созданная правительством ФРГ «Этическая комиссия» предложила уточненную дату – 2022 год. И немало участников дебатов, в том числе телевизионных, сочли этот срок слишком оптимистическим.

Таким образом, в социальном и временном смысле слово «*Ausstieg*» (вопреки его бытовому значению и сложившимся привычкам) стало реально означать глубокую и трудную социально-историческую антиномию: с одной стороны, есть твердо выраженное желание народа когда-нибудь обязательно сойти с поезда ядерной энергетики; с другой стороны, по крайней мере на десять лет стране придется двигаться преимущественно в нем. Так что «*Jein*» – это отнюдь не сбой в сознании неосведомленных консервативно настроенных людей, а самая что ни на есть железная необходимость и социально-историческая реальность!

По логике обсуждаемой проблемы теперь надо было бы конкретнее разобрать позиции разных слоев и объединений немецкого жизненного мира в политике, в том числе чрезвычайно важные установки, идеи правительства и правящей партийной коалиции (сейчас на федеральном уровне партий, на региональном уровне имеются партийно-коалиционные подвиги и изменения). Однако этот материал, уже собранный и обработанный мною, я вынуждена оставить для других публикаций. Скажу лишь об одном из аспектов.

Ausstieg и немецкие «зеленые» («Die Grünen»)

Это один из особых вопросов и в плане истории, и в самом актуальном звучании: он возникает в связи с идеологией, политикой и ближайшим будущим активнейшей немецкой партии «зеленых» («*Die Grünen*»). Ведь она пару десятилетий назад, точнее, именно после Чернобыля, поднялась из жизненного мира сначала как движение общественности, как самоорганизующаяся ассоциация гражданского общества, потом как оформившаяся политическая партия, ставшая достаточно мощной силой в политике партий и их объединений.. А поднималась она как раз благодаря ши-

роко и энергично развернутому движению против масштабного строительства в ФРГ АЭС. Другое дело, что тогда «зеленых» не послушали. Ныне в стране насчитывается 17 АЭС, которые, по экспертным подсчетам, вырабатывают около 30% потребляемой в стране электроэнергии. По сравнению с другими странами, скажем, с Францией, это немного, что делает «Ja!» в лозунгах *Ausstieg*'а отнюдь не утопией. Есть и другие оттенки, важные в социально-лингвистическом плане, вместе с тем, многое проясняющие в содержательном контексте нынешних общественных дебатов в ФРГ.

Когда 25 лет назад произошли события в Чернобыле, немецкие «Зеленые», еще не ставшие политической эко-партией, но достаточно близкие к этому, уже с 1977 года имели в своем активе гражданскую инициативу «Anti-AKW», т.е. именно борьбу против строительства атомных электростанций. И с самого основания партии ее наиболее важным лозунгом как раз и был «*Ausstieg*», понимаемый как «немедленная остановка всех атомных электростанций»⁴.

К нынешнему этапу социально исторического развития в истории «зеленых» обнаружились некоторые особенности, важные и интересные для разбираемой нами проблематики, в частности, для темы *Ausstieg*'а. Во-первых, этот лозунг и связанная с ним программатика, на первый взгляд ясные, приемлемые, объединяющие особенно «Зеленых» с их отчетливыми и давними анти-атомными умонастроениями, еще в 90-х годах и уже после Чернобыля, стали мощными поводами... к их расколу. Как пишет Ю. Дитфурт, в самом начале 90-х годов около 10000 членов, в основном «наиболее активные левые» (эко-социалисты, феминистки, радикальные экологи; примечательно, что в большинстве своем — это женщины, молодые и среднего возраста) демонстративно покинули ряды партии «зеленых», разумеется, продолжая участвовать в эко-движениях.

А во-вторых, полагаю, сегодняшний призыв к *Ausstieg*'у, что нередко случается на социально-лингвистическом уровне, совершенно необходимо возводить к более ранней *Ausstieg*-истории, в наибольшей степени представленной именно немецким «зеленым» движением. Как теперь выяснилось, броский лозунг, во многом порожденный Чернобыльской аварией, а потом как бы забытый, не исчез, не пропал. Он просто погрузился в глубины коллективной социальной памяти, «дожидаясь» времени, когда снова будет востребован. Это время опять наступило начиная

с марта 2011 года — вместе с катастрофой в Фукусиме. И тут слово-символ «Ausstieg» в мгновение ока выпрыгивает из глубин коллективной памяти, и ведь не одних «зеленых», а куда более широких масс людей, за эти годы испытавших их немалое воздействие на свои сознание и активность. (Что, кстати, полезно иметь в виду применительно к давним «лозунговым идеям», программам других «цветов» политического спектра, например, коричневого.) В-третьих, когда этот лозунг всплыл в последние месяцы, социально-политическое положение «зеленых» уже было существенно иным, нежели в середине 80-х — начале 90-х годов прошлого века. К нашему времени эта партия, несомненно, благодаря своей активности, привлекательности программ, лозунгов, вошла, и кажется, вошла прочно, в состав главных партий ФРГ, где обжилась и чувствует себя весьма свободно. Оттенки ее сегодняшней позиции (достаточно деликатной из-за поддержки идей, еще недавно не ориентировавшихся на «срочный» Ausstieg) мы здесь разбирать не можем.

В заключение нашей статьи предоставим слово тем, кто в Германии в ответ на вопрос о возможности и целесообразности «скорого» (хотя и укладывающегося в целое десятилетие) Ausstieg'a отвечает решительным «Нет!»

Ausstieg? Nein: слово противникам

Позиция, сторонники которой подвергают очень сильному сомнению целесообразность и реалистичность «отказа (Ausstieg) раз и навсегда» от ядерной энергетики, наиболее полно и обоснованно выражена учеными и техническими специалистами. Газета «Süddeutsche Zeitung» предоставила трибуну одному из них — Конраду Кляйнкнехту (Kleinknecht), работающему в области физики элементарных частиц. В газетной статье он отстаивает идею о необходимости, вернее, даже о неизбежности, дальнейшего и некротковременного развития ядерной энергетики, разумеется, при соблюдении важных условий — при повышении научно-технических и иных уровней безопасности, при введении существенно более строгих правил эксплуатации, постоянных квалифицированных и гласных инспекций, при закрытии устаревших или построенных по заведомо неудачным проектам АЭС и т.д.

Интересно, что статья Кляйнкнехта начинается с обсуждения уже упомянутого впечатляющего исторического факта — землетрясения в Лиссабоне 1755 г. и последовавшего за ним цунами.

Кляйнкнехт прибегает к ассоциативному образу: в середине XVIII века по этому поводу возникла, пишет он, своеобразная «этическая комиссия» (Ethik-Kommission).

Об «этической комиссии» говорится вот почему: акт созыва и двухмесячной работы так называемой «этической комиссии», состоящей из авторитетных специалистов, политиков и т.п. явился одной из мер нынешнего правительства ФРГ в рамках практической подготовки Ausstieg'a. При обсуждении конкретных и специальных вопросов она, в частности, призвана не забыть о фундаментальных (в том числе именно этических в широком смысле) проблемах цивилизации и культуры, к которым немцы, независимо от их профессий и занятий, всегда проявляют интерес и особую чувствительность. Применительно же к истории XVIII в. имеются в виду дебаты великих философов, современников трагического события. Кляйнкнехт считает, что И. Кант пытался рассматривать события в естественно-научном ключе (это верно лишь отчасти, что подтверждается приведенной ранее цитатой из Канта. К тому же Кляйнкнехт, вероятно, учитывает лишь одну из трех публикаций Канта, посвященную теме землетрясения.) А вот рассуждения Руссо, Вольтера и других мыслителей о землетрясении, показывает Кляйнкнехт, относятся именно к фундаментальным философским и теологическим вопросам о путях развития цивилизации, об ограниченностях прогресса, о добре и зле, о промысле Бога относительно мира и человека. «Размежевание между тоской Руссо по природному состоянию, его скепсисом в отношении прогресса и рационализмом и прагматизмом Вольтера сохранилось в индустриальных государствах. Это показала триединая катастрофа в Японии. Французы в оценке происшедшего пошли по пути Вольтера. Они рассмотрели причины и источники ошибок на АЭС Фукусима и осмыслили пути их устранения, немцы, напротив, в основной массе склонились к позиции Руссо: они хотят отказаться от ядерной энергии. Но при этом они не готовы пожертвовать своим стилем жизни и связанным с ним высоким энергопотреблением» (Süddeutsche Zeitung. № 94, 25.04. 2011. — S. 2).

И снова, как и в 1755 г., создается этическая комиссия, иронизирует Кляйнкнехт. Теперь речь идет о гремиуме, собранном правительством ФРГ (под председательством Клауса Тёпфера (K. Töpfer)). Этот гремиум уже вынес рекомендацию об отказе от ядерной энергии (Ausstieg). Главный аргумент, напоминает автор

статьи, состоит в том, что риск взрыва реактора при отказе систем охлаждения огромен.

Не отрицая существования этого и других рисков, Кляйнкнехт считает: отдельные эксперты и политики прошли мимо всей комплексной сложности, серьезности и множественности возникших проблем. Прежде всего, разговоры об «отказе» ведутся так, как будто его сторонники забывают о широкомасштабной и ежесекундной зависимости *сегодняшнего человеческого существования* от потребления электрической энергии. Если мы должны отказаться от потребления энергии, получаемой из ядерных источников, необходимо в тех же масштабах обеспечить — причем именно сегодня или в очень близком завтра, а не обещать в отдаленном будущем — альтернативные источники. Между тем, напоминают ученые, *обеспечение альтернативы продвигается и будет продвигаться очень медленно*, и даже при запланированных ускорениях и инвестициях изменить темпы коренным образом невозможно. Почему?

Кляйнкнехт говорит: использование силы ветра, воды, биомассы и т.д. в совокупности даже в Германии, стране, наиболее продвинутой в этом отношении, обеспечивает только 17% энергетических потребностей и зависит, как известно, от колебания погодных условий (и многих других обстоятельств). И если, изощрившись и напрягшись, нам удастся удвоить объем энергии, поставляемой обновляемыми источниками, то за 10 лет можно добиться увеличения этой доли, но не более, чем до 25 — 30%. Откуда возьмется остальная энергия, необходимая для потребления? Увы, надеяться можно преимущественно на АЭС. Думают еще о покупке энергии в других странах, но при массовости и повсеместности развернутого *Ausstieg*-движения в Европе в целом переложить тяготы и риски на другие страны и народы вряд ли удастся. К тому же другие страны — в смысле риска последствий о них напоминает Чернобыль — совсем рядом...

Кляйнкнехт рассуждает еще об одном факторе, который надо принять в расчет. Даже при довольно медленном *Ausstieg*-процессе для расширения ареала, скажем, ветряных электростанций, придется прокладывать трассы по всей стране с севера на юг, учитывать рельефы и трудности горной местности и многое другое. Иные противники *Ausstieg*'а также приводят подобные аргументы, например, о том, что некоторые альтернативные (неядерные) источники тоже совсем не «чистые», как молчаливо предполагается. Кроме того, надо обязательно принимать в расчет «человеческий

фактор» (очень серьезной аварией на Саяно-Шушенской *гидроэлектростанции* в России был дан негативно-впечатляющий пример «неядерной» энергетической катастрофы).

В прессе и на телевидении идет борьба аргументов тех, кто за Ausstieg, и тех, кто против. Противники Ausstieg'a в Германии спрашивают сторонников его: что это вы так обеспокоились? В Германии нет землетрясений; в стране только 17 АЭС, и сроки действия семи из них истекают с 2018 по 2020 годы (их, кстати, уже срочно — на время ли? — отключили). Расчетное время службы десяти других приходится на 2028, 2032, 2033 годы. За безопасностью на АЭС в Германии достаточно хорошо следят. Можно, но не с сегодня на завтра, отключить те, которые не устоят перед новой строжайшей проверкой. Но зачем расставаться с теми, которые проверку выдержат? Вспомните, говорят эти участники дебатов своим соотечественникам, какие огромные средства потрачены на них и сколько электроэнергии требуется стране. Те, кто против Ausstieg'a или сомневаются в возможности его реализации, напоминают: сейчас «2/3 немцев, по грубым оценкам, против АЭС. Но только 6% так или иначе используют эко-электричество». И большинство участников дискуссии пока не представляют себе, реален ли и когда может стать реальным переход на альтернативные источники энергии; во что это обойдется потребителям. Кроме того, под альтернативными источниками энергии подразумевают и ЭС, работающие на угле, а при их расширении, с тревогой говорят специалисты, надо распрощаться с мечтами об охране климата⁵.

Среди голосов противников Ausstieg'a наибольшее впечатление производят те, которые принадлежат видным теоретикам социальных и философских дисциплин. Например, газета «Frankfurter Allgemeine Zeitung» (№ 96, 26.04. 2011. — S. 27) поместила интервью с одним из наиболее известных в мире социальных мыслителей Германии Ульрихом Беком (Ulrich Beck), создателем концепции «общества риска». Здесь я приведу его ответ лишь на один вопрос интервьюера. Вопрос звучал так: «Насколько Фукусима является поворотным пунктом по сравнению с Чернобылем?» У. Бек ответил: «Одно из решающих отличий от Чернобыля двадцатипятилетней давности состояло в том, что с русским несчастьем Франц Йозеф Штраус столь же гениально, сколь и демагогически, разделался как с *социалистическим* атомным несчастьем. Этот аргумент отпал в случае Фукусимы, ибо это страна, похожая на нашу». Указание на то, что «снимаются» ссылки только и по преимуществу на социа-

лизм (в случае Чернобыля) и капитализм как главную на сегодня причину (в случае Фукусимы), я считаю чрезвычайно важным. С моей точки зрения, оно означает переход на общецивилизационный уровень анализа и осмысления катастроф, кризисов, в том числе и страшных событий на АЭС. Кстати, в ответ на ряд вопросов интервьюера У. Бек предложил... подождать и подумать, особенно над глубинными социально- и культурно-философскими проблемами. Хорошее предложение. Последуем ему и оставим подобные темы для следующей публикации.

Заключение

Будущее, в том числе ближайшее, должно показать, к чему приводят в ФРГ интенсивные дебаты, демократические движения и первые официальные решения, касающиеся ядерной энергетики и того коренного поворота во всей энергетической сфере, который, как показали последние события, совершенно необходим и неизбежен. Германия по существу берет на себя важнейшую историческую инициативу. Ей несколько легче это сделать, чем другим странам, потому что, во-первых, с тридцатью процентами атомного энергетического участия она не так масштабно попала в зависимость от АЭС в деле обеспечения высокого уровня жизни населения. Во-вторых, как отмечалось, она раньше других обратилась к разработке альтернативных источников, чему немало способствовала зрелость эко-сознания и эко-движений. В-третьих, на Ausstieg, в том числе и длительный, на *сбережение, экономию* электричества требуются, как не без иронии пишут в ФРГ, не только добрая воля населения, но и огромнейшие средства. Последние в ситуации «Jein», т.е. при продолжающемся обслуживании АЭС, придется удваивать, если не утраивать. Такое могут позволить себе только экономически состоятельные страны, в кругу которых Германия, несомненно, значится.

В Германии хорошо понимают, что избранный путь не может быть простым и плавным. Остается пожелать успеха Германии, ее деятельному, инициативному народу.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Настоящая статья представляет собой часть исследования, выполняемого автором в Германии при поддержке Фонда им. Александра фон Гумбольдта и обращенного к проблемам кризиса современной цивилизации, которым посвящены работы автора последних лет.

² Kant I. Kant Werke. Akademie – Textausgabe. B. I. – Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1968. – S. 460.

³ См. об этом статью видного японского философа К. Мишима (Kenichi Mishima) (Die Zeit. № 19. 05. 05. 2011. – S. 54).

⁴ Так пишет Юта Дитфурт, в то время входившая в число лидеров «Зеленых», а теперь ставшая одним из критиков этой партии (см.: *Ditfurth J. Krieg, Atom, Armut. Was sie reden und was sie tun // Die Grünen.* – Berlin: Rotbuch Verlag, 2011. – S. 67 ff.).

⁵ См.: *Drieschner F. Der Himmel über den AKW? // Die Zeit.* 20.04. 2011. – S. 4.

Аннотация

В статье на материале общественных дебатов, документов гражданских движений в Германии, возникших после аварии в Фукусиме, показано, как ожидания, требования, идеи «движутся» из «жизненного мира» (Lebenswelt) в сферы политических и институциональных решений, и наоборот, из областей специальных наук и знаний технического характера – к повседневному сознанию, к активности конкретных индивидов. Используя средства социальной лингвистики, автор рассматривает специфический феномен общественной жизни Германии – дискуссию о ядерной энергетике.

Ключевые слова:

ядерная энергетика, «жизненный мир», «Ausstieg» (Atomausstieg), Фукусима, Чернобыль.

Summary

The article uses last debates, civic initiative and the social-political discussions in Germany in order to demonstrate how the expectations, demands, ideas are moving from the «Lebenswelt» (life-world) to the spheres of political and institutional decisions and vice versa – from the specialized sciences, from a corpus of technical knowledge to a broad world of everyday consciousness and activity of concrete individuals. From the point of view of the social linguistics the author considers the specific phenomena of German social-political life: debate about nuclear power.

Keywords:

atom electricity (nuclear power engineering), «Lebenswelt» (life-world), «Ausstieg» (Atomausstieg), Fukushima, Chernobyl.